

ПСИХОЛОГИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

**Читайте остросюжетная драмы
Аллы Холод в серии
«Психология преступления»:**

•

Рыцарь страха и упрека

Девочка из провинции

Человек без дождя

Персональный демон

АЛЛА
ХОЛОД

РЫЦАРЬ
*страха
и упрёка*

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Х73

Оформление серии *С. Груздева*

Холод, Алла.
Х73 Рыцарь страха и упрека : [роман] / Алла Холод. — Москва : Издательство «Э», 2018. — 352 с. — (Психология преступления).

ISBN 978-5-04-091610-8

Наивная, романтическая, не приспособленная к жизни Соня удачно вышла замуж за сильного, уверенного мужчину из обеспеченной семьи, красавца с хорошими перспективами карьеры. Девушка была счастлива и готова для любимого мужа на многие жертвы. Именно поэтому она слишком поздно заметила, что на самом деле представляет собой ее супруг. Павел не гнушался ничем, чтобы заполучить очередную должность, ужасно обращался с женой, его боялись собственные дети. Когда Соня перестала закрывать глаза на любовницу мужа и подала на развод, он выгнал ее и сына с дочерью из дома... И вот Павел неожиданно для всех убит. Желających поквитаться с ним следствие нашло предостаточно, но подозрения в убийстве пали на вдову...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Холод А., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Э», 2018

ISBN 978-5-04-091610-8

Угол падения

— Эй, майор, ты откуда здесь взялся? Место преступления не затаптывай! Ты вообще куда пошел? — возмущенно завопил оперативник, пытаясь схватить Антона за рукав форменной куртки.

Но рукав выскользнул из недостаточно настойчивых пальцев, Антон вывернулся, буркнув что-то нечленораздельное, и уверенным шагом зашел в дом. Люди толпились возле столовой.

«Значит, все произошло именно здесь», — понял Антон.

Он уже миновал коридор и почти вплотную приблизился к арке, которая вела в столовую, но внезапно остановился. Войти туда означало увидеть тело брата. Антон пока не представлял себе, какова будет его реакция на это зрелище. Известие о гибели Павла ошеломило, потрясло, вызвало жажду немедленного действия, хотя, что именно нужно делать, Антон пока не представлял. Пятнадцать минут назад ему позвонил знакомый из ГУВД и сообщил, что оперативная группа «выехала на труп». Кто обнаружил тело Павла и когда произошло убийство, он еще не знал.

Получив горестное известие, Антон на запредельной даже для гаишника скорости рванул к дому Павла. И вот он здесь. Один шаг отделяет его от места, где, по всей видимости, находится тело. Антон мно-

го раз видел смерть: это были и криминальные трупы, и жертвы дорожно-транспортных происшествий, порой жутко изуродованные. Вид смерти уже не вызывал в нем ни тошноты, как в первые годы службы, ни страха, ни каких-либо ассоциаций. Сформировалась профессиональная привычка абстрагироваться от страшных зрелищ, воспринимать их как часть работы и только. Но увидеть мертвого Пашку было страшно. Пока Антон пытался восстановить сбившееся дыхание, его нагнал возмущенный оперативник.

— Ты кто? Что здесь делаешь? — снова спросил он.

Но Антон, не ответив, сделал шаг вперед и оказался в столовой. Верхнюю часть тела брата закрывала спина эксперта-криминалиста. Антон увидел лишь, что труп Павла лежит на боку рядом со стулом, в момент гибели брат был одет по-домашнему: в майку и легкие джинсы.

— Вы кто? — обратился к Антону немолодой человек в старомодных очках с интеллигентным, умным лицом.

Антон не успел ответить, встрял возмущенный оперативник:

— Сергей Алексеевич, я его не пускал! Он рванул. Я не знаю, кто он такой, — развел руками опер.

Антон выровнял дыхание.

— Я его брат, — сказал он, кивнув на тело Павла. — Младший. А вы, наверное, следователь?

— Следователь, — кивнул тот, кого назвали Сергеем Алексеевичем, и окинул беглым взглядом полицейскую форму Антона. — Вам кто-то сообщил?

— Да, из дежурной части позвонили, — подтвердил Антон.

— Ну что ж, мужайтесь, — вздохнул следователь. — Здесь, как вы уже знаете, убийство.

В эту минуту эксперт поднялся, и Антон увидел залитое кровью лицо Пашки. Кулаки его с силой сжались, он зажмурился, не в силах больше смотреть в ту сторону, где лежал брат. Все, что говорил эксперт, он слышал как будто сквозь какой-то гул. Ровный, не очень громкий, но непрерывный гул. Это гудело у него в голове.

Павла убили выстрелом из травматического пистолета, пуля попала прямо в глаз. Антон помнил случай, когда один их сотрудник на фоне личной драмы пытался застрелиться из пневматики. Пуля, попав в висок, дошла до половины головы, но парень остался жив. Последствия ранения были, конечно, очень тяжелыми, но жизнь ему спасли. В Павла выстрелили, по-видимому, с расстояния двух-трех метров. Кого он мог подпустить к себе с оружием в руке так близко? Он, подполковник полиции, прослуживший много лет в органах внутренних дел, дал кому-то вот так запросто себя застрелить? Немыслимо!

Антон прекрасно знал, какой жизнью жил его старший брат — такой же, какой и он сам, такой же, как и наибольшая часть их коллег. К такому образу жизни каждый приходит своим путем: одни, понимая, что полицейская зарплата не может позволить не то что нормально жить, а даже просто прокормить семью. Эти приходят к осознанию правды не сразу, через годы службы, когда перед глазами уже масса примеров и подтверждений тому, что жить можно и по-другому, и тебе ничего за это не будет. Другие идут в полицию осознанно, понимая, какие властные полномочия может дать эта служба, и заранее имея намерения определенным образом свою власть использовать. Третьи просто хватают то, что само плывет в руки, не особенно расшибаясь, не делая службу промыслом, но и не упуская своего, если подворачивает-

ся удобный случай. Встречаются и отпетые разбойники, неуравновешенные, психически ущербные люди, которые беспредельничают не только из-за денег, а ради личного удовольствия.

Тем, кто работал честно, Паша порой завидовал, он считал этих людей счастливыми. Любил повторять, что у них низкий уровень потребностей и высочайший уровень лени, и это сочетание позволяет им чувствовать себя счастливыми в однокомнатной хрущевке. Павел так жить не мог. Антон много знал о его делах и сейчас лихорадочно прокручивал в голове все, что слышал от брата за последнее время. Что могло произойти? С кем он мог пересечься в своих интересах настолько, чтобы человек выстрелил ему в лицо?

Под барной стойкой валялся разбитый стакан, телефонный аппарат, который стоял тут же, был сброшен и лежал, опрокинутый, с другой стороны. Взгляд Антона скользнул влево, там он заметил некоторый беспорядок: перевернутая банка с питьевой водой, штора, которую, казалось, кто-то пытался оборвать и еще кое-что по мелочи. Здесь что-то происходило, здесь кто-то с кем-то ссорился. Одним из ссорящихся был, естественно, Павел. Выяснить бы, с кем он выяснял отношения.

Из разговора Антон понял, что тело обнаружил кто-то из соседей: Сергей Алексеевич отдавал распоряжения насчет изъятия смывов с его рук. Но в голове так настойчиво гудело, что информация проплыла в общем потоке, ни за что не зацепившись. Антон лишь подумал, что на помощь соседей следствию вряд ли придется рассчитывать: жил бы Павел в квартире — другое дело, соседи могли бы слышать голоса, видеть того, кто входил в подъезд. Но у Паши был свой дом,

небольшой, не бросающийся в глаза монументальным фасадом, но добротный, уютный, построенный по оригинальному проекту. Паша всегда хотел жить именно в отдельном доме — чтобы не доставали и не заливали соседи, чтобы всегда можно было пожарить шашлычок во дворе. Сейчас дом Павла выглядел нежилым и пах смертью.

Как давно он здесь не был! Антон огляделся. Свою последнюю минуту Павел встретил, по всей видимости, сидя на стуле или стоя рядом с ним. Столовая, частью которой была и непосредственно кухня, имела нежилой вид. Из шкафчиков исчезла некоторая посуда, бросалось в глаза пустое место на стене, которое еще недавно занимал фотографический портрет сияющей Даши с распущенными волосами, в которые были вплетены ромашки. Отсутствовало фото задумчивого Котика. Над большим кожаным диваном пустовало место, которое раньше занимал египетский папирус с изображением бога Гора. Единственной «живой» деталью осталась недопитая бутылка водки на барной стойке, на полу, под стойкой, валялся разбитый стакан. Тарелок с закуской не было. Не похоже, чтобы Паша собирался с кем-то выпивать. Но к чему тогда эта бутылка?

Запах крови резко ощущался на фоне запаха нежилого помещения. Хотя тот, кто не бывал в этом доме так часто, как Антон, может, и не счел бы этот воздух нежилым, но уж он-то знал, как обычно пахло в доме его старшего брата.

Когда семья Павла еще не развалилась, его дом всегда был напоен самыми прекрасными ароматами. Летом Соня постоянно варила компоты и варенье, потому что дети пили и поедали все это в огромных количествах, и в начале лета у них всегда

пахло пионами и вареной ягодой. В любое другое время года дом брата благоухал чистотой, свежестью и всем тем, от чего у Антона моментально рот наполнялся слюной: свежеепеченными блинчиками, беляшами, ароматным борщом. Но больше всего он любил приходить, когда Соня запекала нашпигованную баранью ногу. Получалось это у нее восхитительно.

Сейчас дом казался мертвым, из него ушла жизнь. И случилось это не в тот момент, когда Павел, пораженный резиновой пулей, угодившей прямо в глаз, упал на пол. Это произошло гораздо раньше.

Глава 1

Соня Воронцова лишилась родителей, когда ей было пять лет. Отец и мать ехали из райцентра, везли бабушку на консультацию к городским врачам. Как потом говорили, была прекрасная погода, отец вел машину на допустимой правилами скорости, катастрофа произошла на самом подъезде к городу, когда на встречную полосу вылетел обгоняющий кого-то фургон, о мощное рыло которого легковушка разбилась вдребезги. Родители Сони не дожили даже до приезда «Скорой», а бабушка, ехавшая на заднем сиденье, еще какое-то время помучилась в больнице, но тоже очень скоро умерла. Девочку взяла на воспитание мамина сестра, тетя Клара. У тети Клары была своя дочь, которую она воспитывала без мужа, но тетя не допускала даже мысли о том, чтобы оставить племянницу на попечение государства.

Клара была женщиной яркой, эффектной, в молодости мечтала стать оперной примой. Но вокальные данные у нее оказались куда скромнее внешних. Кларе пришлось смириться с тем, что ей никогда не придется спеть Джильду в «Риголетто» или Виолетту в «Травиате». Ей доставались лишь вторые роли в опереточных спектаклях. Она страдала, но приняла свою участь, не сменила профессию — слишком велика у нее была тяга к сцене. Пусть Клара выходит на сцену

не в том качестве, пусть место, о котором она мечтала, занимает другая певица, но представить себя вне театра Клара не могла. Она обожала театр: его запахи, атмосферу, неповторимое ощущение эмоционального подъема перед выходом на сцену. Она любила в театре все: высокие колонны нарядного фойе, блестящие паркетные полы и широкие парадные лестницы, яркие люстры, дарящие ощущение праздника. Но не меньше она любила темные переходы кулис, репетиционные комнаты, тесные гримерки, навеки впитавшие устойчивый запах рассыпчатой пудры и жидкого грима. Была бы ее воля, она вообще бы не выходила из театра, тем более что там был буфет, где всегда можно перекусить, и даже свой маленький медпункт. И еще Клара не могла существовать вне театрального коллектива, вечно раздираемого внутренними интригами и противоречиями, в котором всегда кто-то дружил против кого-то, кто-то влюблялся, кто-то кого-то бросал...

Дочь Клара родила от блестящего красавца-баритона, который, как она полагала, собирался на ней жениться. Может, так и произошло бы, но баритона переманили в Северную столицу, куда он обещал забрать Клару и дочку Лилю, когда сам там обустроится. Но, решив бытовые проблемы на новом месте, баритон о своих обещаниях забыл, встретил другую женщину и отношения с Klarой прервал окончательно.

Официального мужа у Клары Самойловой никогда не было, но поклонники у эффектной женщины не переводились. Случалось, что отношения перерастали в совместное проживание, но к официальному браку ни один из ее романов так и не привел. Всех своих кавалеров Клара сразу же приучала к мысли о том, что она, как мать теперь уже двоих детей, нуждается в по-

мощи, и безразличия к своим материальным проблемам мужчинам не прощала.

Жили они трудно, но ни одной жалобы вслух никто и никогда не произносил. Проблемы существовали, но как-то решались, а трудности как-то преодолевались. Девочки очень дружили, Лиля была всего на год старше Сони и никогда не пыталась жалеть осиротевшую двоюродную сестру, боясь оскорбить ее или унижить. Они существовали в доме на равных, рано приучились к самостоятельности, все домашние обязанности по справедливости распределяли между собой. Только увлечения у них были разные. Лилия была очень активной, спортивной, зимой она все свободное время пропадала на катке, летом гоняла на велосипеде. Она дружила с девочкой, у которой папа работал тренером в самом большом городском спорт-комплексе, и благодаря этому три раза в неделю бесплатно посещала бассейн. А Соню, когда она немного привыкла к изменениям, произошедшим в ее жизни, Клара решила отдать в музыкальную школу. Все равно девочка большую часть времени крутилась у пианино, тыча пальчиками в клавиши, и каждый день просилась взять ее на репетицию и на спектакль.

Соня самозабвенно полюбила театр с того момента, как впервые, будучи пятилетним ребенком, переступила его порог. Скрип тяжелой двери служебного входа казался ей волшебной музыкой, она старалась тщательнее рассмотреть певиц в сценических нарядах, обмахивающихся пушистыми веерами перед выходом на сцену. Если с какого-то пышного наряда случайно слетала блестка, Соня немедленно подбирала ее и прятала в карман. Как только раздвигался занавес, Соня, если у нее в тот день не было компании и она слушала спектакль из-за кулис, замирала с широко раскрытыми глазами на своем стульчике, кото-

рый для нее ставили рядом с мастером сцены, и почти не дышала до тех пор, пока не кончалось действие. Клара с улыбкой наблюдала за тем, как племянница, выпрямив спинку, шевелит губами, повторяя тексты оперных партий. И когда Соня немного подросла, она попросила театрального настройщика привести в порядок свое не новое, но все еще очень хорошее немецкое пианино и приняла решение.

В музыкальной школе, в отличие от общеобразовательной, Соня училась хорошо. У нее были необходимые для пианистки природные данные: длинные пальцы с хорошей растяжкой, абсолютный слух, кроме того, она была очень музыкальна. В общеобразовательной школе дела шли куда хуже. И вовсе не из-за того, что Соня была глупа или ленива. Ей просто не нравилась школьная атмосфера, ее раздражали глупые, невоспитанные, хамоватые одноклассники. Ей не о чем было с ними разговаривать, они ничего не понимали в музыке.

По-настоящему интересно Соне было в компании «театральных» детей, коих в театре обреталось не так уж мало. Это были дети солистов и солисток, дирижеров, режиссеров, концертмейстеров. И даже сына директора театра из-за кулис было не выманить калачом. У детей была небольшая разница в возрасте, но в общении они этого не замечали. И не делили друг друга на старших и младших. Это была некая общность ребят, причастных к чему-то особенному. К театру! Многие родители, которым не с кем было оставить своих чад в родном городе, таскали детей с собой на гастроли. И там у младшего театрального поколения была настоящая вольница.

Лиля никогда не ездила с мамой. Два летних месяца она проводила всегда одинаково: один за городом, на даче у подружки, с которой дружила с самого ранне-

го детства, другой — в лагере со спортивным уклоном с той же самой подругой. А Соня охотно ездила с Кларой по городам и весям. Если выпадал случай, когда гастроли проходили в приморских городах (а тогда, бывало, присоединялась и Лиля), — это было отдельное счастье. Детский коллектив спланировался, становился дружной семьей. Накупавшись и нагулявшись, дети прихорашивались, чтобы вечером прийти на спектакль.

В оперетте «Цветок Миссисипи» они даже выполняли полезную функцию, зарабатывая себе на мороженое. Ребят помещали на высоту, с которой они должны были скидывать в зрительный зал бумажные афишки и кричать: «Ура, к нам приехал «Цветок Миссисипи»! К нам приехал «Цветок Миссисипи»! Ура!»

Как-то раз перед спектаклем детям, как обычно, раздали пачки отпечатанных афишек, оставалось срезать с них упаковочные ленты и занять условленную позицию. Но тот день у маленьких работников оказался особенно насыщенным, он требовал более оживленного обсуждения, чем обычно. Они были чрезвычайно взбудоражены в тот момент, когда со сцены уже произносились слова, предвосхищавшие их «выступление». Миша, четырнадцатилетний сын главного дирижера, едва успел схватить свою пачку афишек, но не успел понять, что в ней не так. Широко размахнувшись, он закричал во весь голос: «Уважаемая публика! К нам приехал «Цветок Миссисипи!» — и со всего размаху швырнул пачку в зрительный зал. Когда листки бумаги не закружили по залу, стало понятно, что дети забыли срезать упаковочные шпагаты, и упитанная пачка угодила прямо на голову безмятежному зрителю. Был ужасный скандал, детей лишили гастрольного приработка, но даже эта финансовая неприятность не омрачила их настроения. А сколько